

Т.М. Марченко

ЭПОХА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ РОМАНТИЗМА

*Работа выполнена при финансовой поддержке Международного фонда
«Русский мир» (Грант 450 Гр /II– 419-10)*

Одним из важнейших творческих завоеваний русской литературы первой половины XIX века стало утверждение и расцвет многообразной в своих проявлениях исторической темы. Изящная словесность, вступив в романтический период своего развития, не замкнулась в круге национально-исторических тем и обратилась к эстетическому освоению прошлого других народов, «экзотического» по отношению к «канонической» русской истории. Это «хождение» не только в свой народ, но и в «инонациональные ойкумены» (М. А. Новикова), привнесло в творческий процесс оригинальные темы, сюжеты, образы. Вслед за целым рядом «кавказских», «горских», «черкесских», «восточных», «ливонских» повестей и поэм появляются многочисленные произведения, посвящённые украинской исторической теме.

Теоретик русского романтизма О.М. Сомов, украинец по происхождению, в своём трактате «О романтической поэзии» призвал собратьев по перу «описывать малороссиян с сладостными песнями и славными воспоминаниями, воинственных сынов Сечи Запорожской... Цветущие сады плодоносной Украины, живописные берега Днепра, Пела и других рек Малороссии ждут своих поэтов и требуют дани от талантов отечественных». Этот призыв нашёл особенно живой отклик среди писателей, чьи корни или обстоятельства жизни были связаны с Малороссией – Ф. Н. Глинки, К. Ф. Рыльева, А. С. Пушкина, В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя и других, сегодня менее известных и не всегда заслуженно забытых литераторов. Их увлечённость украинской историей реализовала себя в произведениях разной жанровой природы – в лиро-эпических балладах и стихотворных новеллах, песнях, думах, повестях и романах, исторических драмах. Богатые фольклорно-летописные ресурсы, к которым получили доступ русские литераторы-романтики, обусловили своеобразие художественного моделирования истории, существование идейно-образных констант в контексте украинской исторической темы русской литературы. Так, анализ массива художественных текстов на темы украинской истории позволил профессору В. Сиповскому в первой четверти XX века, а американскому слависту Г. Грабовичу в наше время обозначить её конкретные образные составляющие. Исследователи назвали эпоху Богдана Хмельницкого в числе, традиционных, сквозных, идейно-образных констант русской романтической литературы, находящихся в её тематическом фокусе.

Русские писатели-романтики трижды обращались к художественному воплощению эпохи Богдана Хмельницкого в жанровых рамках исторического романа. «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» Ф. Н. Глинки (1817 г.) так и остался неоконченным. В 1834 году вышел роман известного тогда беллетриста П. И. Голоты «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии», а в 1846 году был опубликован роман «Зиновий Богдан Хмельницкий» А. П. Кузьмича. В них создана своеобразная модель образа исторического происхождения – в её основе лежит ярко выраженная идея героя-харизмата, Богом ниспосланного своему народу вождя-спасителя, ведущего его к светлому будущему. Эта художественная идея, реализованная в романах русских авторов, свидетельствует об активном авторском мифотворчестве и на сюжетно-композиционном уровне коррелирует с метасюжетом сотериологического мифа (т.е. мифа о спасении). Сюжетная парадигма романов на структурном уровне реализуется в мифологическом мотивном комплексе «страдание» – «испытание» – «преображение» – «спасение». Цель нашей статьи – показать конкретное воплощение этой схемы в романах Ф. Н. Глинки, П. И. Голоты и А. П. Кузьмича.

Раскрыть мифологические смыслы этих произведений, «просвечивающие» на их сюжетно-композиционном и мотивном уровнях, поможет метод мифореставрации, сформулированный С.М. Телегиным и широко используемый в современном литературоведении. Под мифореставрацией учёный понимает метод анализа художественного или фольклорного текста, при котором в нём происходит выявление законов мифотворчества, исследование мифомотивов, восстановление мифологического сюжета. Это искусство «постижения текста через миф...», который внедрило туда авторское сознание [1, 20-21].

Итак, сюжетная организация трёх анализируемых нами романов, основана на введении в тексты одних и тех же сюжетных мотивов, на повторяемости, если не идентичности некоторых сюжетных ходов, элементов мифологической биографии героя. Первым важнейшим мифологическим сюжетным узлом является рассказ о чудесном рождении героя, наиболее ярко и подробно воссозданный Ф. Н. Глинкой. Его слышит сам Хмельницкий из уст пустытника Вассиана, соратника боевых подвигов его отца. «Ты родился, любезный Зиновий, в блистательную эпоху жизни твоего родителя. Ополчение казаков вверено было Сигизмундом отцу твоему: он воздвигнул хоругвь Отечества и тысячи малороссиян, ревностных любителей славы и браней, стеклись по гласу его» [2, 424]. Громкие победы над турками привели к невиданным почестям Филомара Хмельницкого – «меч, осыпанный дорогими камнями, гетманская булава и бунчук приготовлены в дар победителю. Супруга Сигизмунда собственными руками вышила почётное знамя для войска казацкого. С сими то дарами отправилась к армии твоя мать, бывшая в великих почестях при дворе. Многие прелестные девы сопутствовали ей. <...> Она была беременна и вскоре разрешилась тобою» [2,425]. Глубоко символична картина грозовой ночи, в

которую произошло чудесное рождение будущего героя, расцвеченная колоративами – «осенняя буря возмутила природу, *красные* молнии раздирали *чёрную* завесу туч, гром катился за громом, и лезвия копий наших подобно рядам зажжённых свеч, горели неким *синим* пламенем, нисходившим с небес. Но с первым лучом зари тишина восстановилась, и солнце воссияло в полном великолепии своём. *Белобрадые* старцы, презирающие в таинство судеб, заключили, что жизнь твоя будет бурна, мятежна...» (курсив наш – Т. М.). Рождение младенца на поле битвы, сопровождают элементы воинских ритуалов, о которых упоминается ещё в «Слове о полку Игореве»: «Под звуком труб и веянием знамён ты был повит; хоругвь Отечества осенила колыбель, повешенную на ратовье копия; родительница твоя, несмотря на знатность сана, обещала быть сама твоею кормилицею, отец же – наставником твоим. «О боже! – восклицал родитель твой, подъявля тебя к небу, – даруй, да соделается младенец сей наследником славы предков своих и, если не силён будет разорвать цепей своего Отечества, пусть обовьёт их свежими лаврами!». На ратном поле, среди копий и мечей почтенный пастырь совершил обряд крещения – «вода зачерпнута была из Днестра и налита в купель шлемами храбрых» [2,427].

Мотив чудесного рождения трансформируется А. П. Кузьмичом в мотив чудесного детства – по ходу романа приводятся отдельные сведения о ранних годах жизни героя, его удивительных способностях и быстром достижении зрелости, об обучении, воспитании, первых «предварительных» испытаниях. «И пятилетний Зиновий уже не по-детски тешился, не куклами забавлялся, – вспоминает Иван Гончаренко, – любил я глядеть на его детские потехи и часто думал, да и говаривал частенько: «Вот будет казак!» [3, (II, 17)]. Другой очевидец детских лет Хмельницкого Тарас Трясило, персонаж исторический, вспоминает о его увлечённости героическими рассказами о казацких подвигах: «Только, бывало, зайдёт речь о Сагайдачном и Зиновий заслушит о том, – бросит всё и уж не на шаг от стариков, и калачём его от нас не сманишь! Слушает, не спуская глазок с рассказчика, а глазки так и блещут» [3 (II, 17-18)]. В числе других значимых фактов – необыкновенные успехи в учении у иезуитов, героическая смерть отца, первый боевой опыт в битве с турками, плен, где выучился восточным языкам, стал лихим наездником и стрелком из лука. Здесь же, в плену, юный Хмельницкий спас тонущую дочь своего хозяина и в числе первых был выкуплен королём Сигизмундом как наиболее прославившийся ратными подвигами. Как отмечает Е.М. Мелетинский, такие элементы мифологической биографии героя составляют важнейшую часть всякого героического мифа и предшествуют описанию важнейших подвигов героя [4]. Учёный отмечает также подвижность и наличие многочисленных контактов мифологического героя, особенно так называемых «враждебных», они способствуют повествовательному развёртыванию мифа. В ходе такого развёртывания непременно появляется герой-антагонист (в анализируемых романах – польский вельможа Чаплицкий), с которым связана актуализац

мотивов страдания, потерь и испытаний, они тесно связаны друг с другом структуре мифологического сюжета.

Страдание героя во всех романах имеет чётко выраженные, видимы причины личного и общенародного характера, их соотношение и взаимосвязь принципиально важна в процессе авторской мифологизации образа. В роман Ф. Н. Глинки герой не просто мечтает о подвигах, а затем совершает их на земле Крыма – тайная грусть о стонущем под игом рабства Отечестве сдает его. Его страдания часто проявляются и весьма бурно, ведь в романе Хмельницкий – «чувствительный герой». Несчастья личного порядка усугубляют мотив страдания. Герою суждено пережить потерю верного друга Осмунда, похищенного литовскими наёмниками, смерть отца и потерю дома – рабы Чаплинского разрушили построенный Филомаром храм, затопили долину и родную хижину Зиновия.

В романе П.И. Голота «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии» варьируется сходный сюжетобразующий мотивный комплекс. Здесь, страдания героя начинаются на уровне семейных горестей и усугубляются в душе героя осознанием бедственного положения Малороссии. Польский вельможа Чаплицкий задался целью не только похитить у Хмельницкого воспитанницу, прекрасную Людвигу, но и лишить его семью хутора Суботова, некогда дарованного его отцу за верную службу, «дом, бывший прежде вместилищем радости и безмятежной жизни, соделался обителью плача и неутешной скорби» [5 (II, 22-23)]. И вновь, как и в романе Ф. Н. Глинки *Дом*, становится *Домом утраченным*, и приобретает статус мифологемы. К отмечают исследователи, «образ дома интернационален – это смысловой и пространственно-энергетический центр, место, где начинается и заканчивается жизнь, свидетель рождения и смерти, дом несёт в себе память рода» [6], его утрата не просто трагедия, упорядоченный способ бытия, обитаемый космос сменяется состоянием хаоса, разрухи, кризиса. Герой оказывается в ситуации номадичности, т.е. бездомности, скитальчества. Начинается его *Путь* прочь от утраченного, разрушенного дома, путь великих испытаний и подвигов, великая школа жизни. Этот *Путь* становления в чуждом, полном опасностей мире заканчивается преображением героя, обретением дома, возвращением в новом статусе победителя, спасителя своего народа.

На сюжетную ситуацию утраты дома в романе П. И. Голоты, на наш взгляд, проецируется модель, предложенная М. А. Новиковой применительно к иной историко-культурной ситуации, но близкая нашим рассуждениям идеей «великой символики центра» [7, 101]. На одном полюсе – кощунство «кромешность», «запредел», вползший в самую сердцевину «своего» привычного мира; на другом полюсе – спасение за пределами этого мира. Центр, духовная опора (в нашем случае – дом, христианские храмы – Т.М.) занята «кромешниками» (поляками, евреями-арендаторами – Т.М.). И тогда центр уходит на окраины – *как бы* исчезает (потеряв дом Хмельницкий уходит

в Запорожскую Сечь – Т.М.). Зато теперь он уже «не спокойно задан человеку, а мучительно взыскуем».

В начале *Пути* Хмельницкий одержим идеей личной мести. Однако очень быстро страдание, вызванное потрясением жизненных основ и социальной несправедливостью (унижение и разорение домашнего очага), обретает иной смысл. Герой приходит к следующему решению: «Пора приступить к делу; мои несчастья ничтожны в сравнении с общими; пора отвратить, уничтожить гибель и спасти милую, дражайшую родину от тяжкого бремени, которое она не в состоянии уже перенести <...> Начнём дело великое и славное. Бог да будет между нами судьёю...» [5 (II, 81-81)]. Во имя этого дела, «великого и славного» Хмельницкий приносит величайшую *Жертву* – на поле битвы под Сочавой гибнет его старший сын и наследник Тимош. Этот исторически достоверный факт в художественном мире романа органично дополняет «набор» страданий и испытаний героя, служит созданию мифологизированной биографии героя.

Мотив страдания ярко выражен и в романе А. П. Кузьмича «Зиновий Богдан Хмельницкий». Здесь изначально превалируют страдания героя за гибнущую под польским гнётом Украину – «тяжко болит сердце, видя её позор, унижение, её страшные беды» [3 (II, 215)], страдания же личного порядка однозначно вторичны (арест и заключение в тюрьму, вынужденная разлука с возлюбленной).

Мотив страданий, говоря словами М.М. Бахтина, входящий в исторических романах об украинском гетмане в «основной стержневой ряд» сюжетных мотивов [8, 267], во всех трёх произведениях сходным образом развивается в ситуацию «избавления от страданий». Эта ситуация тоже восходит к классической мифологической схеме, вот как её трактует М. Элиаде [9] – страдание не является окончательным, всякое поражение уничтожается и заменяется финальным триумфом. Именно тогда, когда герой унижен, брошен в тюрьму, страдает безвинно, *Женщина* навещает его, придаёт ему мужества и возрождает к борьбе. В сюжетах о Хмельницком *Женщина*, как правило, ещё и освобождает его из заточения, спасает от неминуемой гибели. В неоконченном романе Ф. Н. Глинки эта ситуация тоже незавершена, сюжетное развёртывание заканчивается сценой, в которой дочь Чаплицкого умоляет героя бежать от верной гибели от рук её отца, «ужасного в гневе», а затем, заключённый в темницу, «он слышал издалека, как нежная дочь умоляла о помиловании свирепого родителя» [2, 456]. Роль спасительницы Хмельницкого в романе П.И. Голоты выполняет прекрасная Людвиг, бежавшая с Чаплицким и ставшая его женой. В разгар пожара, устроенного его товарищами для освобождения заточённого в подвале узника, она тайком от мужа достаёт ключи от темницы и сама спускается туда, чтобы помочь «великому мужу», «изобильно наделённому достоинствами». Подобные ситуации женского вмешательства в судьбу главного героя дважды встречаем и в романе А. П. Кузьмича. Его четвёртая часть начинается главами «Заточение» и «Темница», в

которых читатель узнаёт об аресте Хмельницкого и видит героя в темнице Варшавской крепости. Прекрасная княгиня Стронская, с помощью золота изыскивает способ проникнуть в замок – «любовь к Хмельницкому и страх за его жизнь развернули всю тонкость и находчивость ума княгини» [3 (IV, 35)]. Используя своё богатство и связи, она добивается его оправдания, устраивает Хмельницкому встречу с королём. В пятой части романа, Зиновий, арестован по приказанию Чаплицкого за крамольные, бунтовские речи. Его освобождает дочь подстаросты Анна Чаплицкая, поплатившись за свой поступок собственной свободой, она ночью достаёт ключ от потайной темницы и выводит героя из дома отца.

Следующим общим звеном, важнейшим элементом в мифологическом романном метасюжете является мотив испытаний героя. Вся его жизнь – непрерывная череда испытаний, которые многократно повторяются, варьируются в инвариантных сюжетах развёртываниях. Переплетаясь с мотивами страдания, становления и преображения, мотив испытаний участвует в моделировании мифологической ситуации инициации героя – его перехода из одного статуса в другой, в статус Богом данного спасителя своей страны и своего народа. В романских сюжетах соблюдена главная особенность структуры инициации – трёхчастность.

Первый этап – выделение героя из привычной среды за пределы устоявшегося мира. В романе Ф.Н. Глинки юный Хмельницкий покидает родные места и отправляется в Крым, «край прелестнейший на лице земном», в страну, не знающую рабства. Примечательно, что он берёт с собой вещи, имеющие явно сакральное назначение – крест, узелок с землёю, взятой с могилы матери, древний меч, переходивший от отцов к детям в роду Хмельницких. У П.И. Голоты герой, не найдя справедливости и защиты закона, покидает утраченный дом, родные места и с горсткой товарищей устремляется на Сечь. Герой романа А.П. Кузьмича много лет живёт в разлуке с родиной – вначале он был в плену, затем служит в Варшаве в королевской гвардии, служит своему королю-благодетелю, избавившему его из плена.

Второй этап – так называемый пограничный период, который длится в каждом из произведений довольно долго, от нескольких месяцев вплоть до нескольких лет. Это период основных испытаний, которые авторы располагают градационно – каждое новое испытание сложнее предыдущего и неизменно влечёт за собой следующее, ещё более трудное и опасное. Так, Ф. Н. Глинка, начинает испытания героя с нравоучительной беседы с мудрым старцем Вассианом, который, убедившись, что жизнь в тёплой хижине не для Хмельницкого, благословляет его образом спаса нерукотворного. Следующее испытание – победа в воинском турнире, объявленном крымским ханом, далее – боевые подвиги юного героя, руководство береговой стражей, хитростью и смекалкой выигранное сражение с турками, спасение от верной гибели ханского сына Аглаима, решение вернуться на родину, бесстрашное противостояние с погубителем отца Чаплицким. И, наконец, наиболее сложное

испытание – «открылся зев подземной могилы: несчастный узник опущен в неё, и три железных двери заскрипели на ржавых верях, и громко зазвучали запоры, и глухо отозвался стук камней, которыми заваливали вход в темницу сию» [2, 456]. Ещё более тернист *Путь* испытаний, пройденный героем П. И. Голоты. Это не только потеря родового гнезда, но и безответная любовь к Людвиге, дважды похищенной у него Чаплицким, первые победы, одержанные казацким войском под руководством Хмельницкого, дипломатические усилия нового вождя, гибель сына, тяжкие раздумья над судьбой родины: «Гетман нередко предавался чёрной думе; грусть тяжёлым свинцом лежала у него на сердце и он старался изыскать в уме своём все возможные способы, решительно и навсегда облегчить участь своего народа и облегчить спокойствие милой родины» [5 (III, 153-134)]. В романе чётко прослеживается и преобразование героя из человека, глубоко оскорблённого лично, горящего желанием отомстить в мудрого народного вождя, одержимого высокой целью служения родине. В этом плане показателен следующий факт – прибыв в Никитинский Рог к запорожцам, Хмельницкий отказался от звания гетмана. «Сколь не лестно для меня сие достоинство, но не заслужа ещё оно я не могу его принять: одни заслуги должны быть наградою, но не увлекать нас для пустого тщеславия», – говорит казакам Хмельницкий [5 (III, 25)]. Он становится полноправным Гетманом, когда «прославил себя взятием Корсуня, Кудака, Черкасс, Канева и прочих городов Малороссийских и проникнул до Белой Церкви, где и основал главную свою квартиру» [5 (III, 87)]. Не сразу удалось Хмельницкому-вождю найти правильный путь к спасению отчизны – «рано или поздно он надеялся примирится с Владиславом», а после его смерти «более всех способствовал к возведению на престол Яна Казимира». Лишь в последней главе романа Хмельницкий «постановляет условия, в силу которых решился отдать Украину под покровительство России» [5 (III, 205)].

Ещё более сложна градация испытаний, выпавших на долю героя, в романе А. П. Кузьмича. Нередко они принимают форму искушения – славой, богатством, любовью. Все эти искушения сопутствуют Хмельницкому в Варшаве, где шляхта и иезуиты всячески пытаются сделать его «своим» – они «глубоко постигли ум и силу характера Зиновия, ясно видели, что подобный человек может сделать с таким народом, каковы казаки; поэтому, вся политика их в отношении его была устремлена да то, чтобы окружить его вниманием и почестями в Варшаве и благодарностью привязать навсегда благородное сердце молодого человека к новым соотчичам своим» [3 (III, 200-201)]. Герой устоял перед всеми искушениями, однако недоверие, сомнения в его преданности Украине и непонимание его намерений многими земляками, даже старыми соратниками погибшего отца, больно ранят Хмельницкого, становятся новым испытанием, из которого он тоже выходит с честью – все сомневающиеся в конечном итоге уверовали в его правоту и высокое предназначение. Этому во многом способствовало превращение (в нашей схеме соответствующее «преображению» – Т.М.) героя из удалого казака,

любящего свою родину и народ в человека, твёрдо, даже в одиночестве отстаивающего своё мнение, знающего как необходимо действовать. «Зиновий Хмельницкий никогда не примет участия в таком деле, которое должно кончиться погибелью его родины», – заявляет он в ответ на упрёки в том, что «обляшился» и не желает жечь и резать панов, подобно Острянице [3 (III, 103)].

И, наконец, третий этап инициации героя – явление преображённого суровой школой жизни и опасными испытаниями Хмельницкого в новом статусе, причём инварианты этого нового статуса различны. Это герой-освободитель, убеждённый в святости собственной миссии (Ф.Н. Глинка), всенародно избранный гетман, спасающий своё Отечество (П.И. Голота), герой, уверенный в своей способности спасти его, знающий верный *Путь* (А. П. Кузьмич). Это конечная точка сюжета сотериологического типа, наиболее сильная позиция текста, завершающая сюжетное движение от наименее к наиболее ценному, ибо сотериологический миф не может быть мифом «нисходящих ценностей».

Завершающее звено мифологического мотивного комплекса «страдание» – «испытание» – «преображение» – «спасение» реализует себя либо в названии, заранее программирующем финал, либо вынесено за рамки романного текста, но логически неизбежно в результате домысливания «открытого финала».

Прием «запрограммированного» названия использован в романе Ф.Н. Глинки – «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия», этим же путём пошёл и П.И. Голота, назвав свой роман «Хмельницкие, или Присоединение Малороссии». Сюжетные события у Глинки обрываются внезапно (ведь роман не закончен), задолго до освобождения Малороссии. Именно это событие – освобождение от польского владычества автор соотносит и отождествляет с её «спасением». Оно не происходит в художественном мире роман, а лишь обозначено в его названии, автор «забегает вперёд», сообщая читателям, чем будет увенчан славный путь героя. Присоединение Малороссии считает спасением для страны и народа и П.И. Голота, доведя повествование до эпизода похорон Тимоша Хмельницкого 27 декабря 1654 года. Далее следует последнее, знаковое событие, которое ставит точку в сюжетной схеме, делает финал «закрытым». «Вскоре засим объявлено было народу, что вся Украина и Запорожье присоединены, для общего блага, на вечные времена к единой России; и казаки свободнее вздохнули, надеясь на спокойствие и благословляя память бессмертного благодетеля родины великого Гетмана Зиновия Богдана Хмельницкого» [5 (III, 209)].

Роман А.П. Кузьмича «Зиновий Богдан Хмельницкий» имеет финал «открытого» типа. Украина – накануне восстания, у неё уже есть признанный всеми – народом и казацкой старшиной вождь: «Нетерпеливо, но безропотно ждала Украина своего избавления, и за Богдана день и ночь теплились лампы перед святыми иконами, горели свечи, клались поклоны, и священники, успевшие скрыться в глубине лесов, жарко молились за Богдана от лица всего народа» [3 (V, 259)]. Это своеобразный пролог новой череды исторических

событий, которые последуют, причём у читателя нет оснований сомневаться в их исходе.

Наличие подобного рода типологических схождений в исторических романах русских романтиков на уровне поэтики свидетельствует в пользу общности идейной трактовки образа Богдана Хмельницкого.

Литература

1. Телегин С. М. Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы / Телегин С. М. – М.: Компания Спутник +, 2006. – 376с.
2. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия / Фёдор Глинка – К. : Дншро, 1991. – 493 с.
3. Кузьмич А. П. Зиновий Богдан Хмельницкий / А. П. Кузьмич - СПб., 1846: Пять частей: I – 288с, II – 278с, III – 260с, IV – 238с, V – 339с.
4. Мелетинский Ё. М. Герой / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира: энциклопедия / [Гл. ред. Токарев С. А.] – 2-е изд. – М. : Российская энциклопедия, 1997. – Т. 1. – С. 294-297.
5. Голота П. И. Хмельницкие, или Присоединение Малороссии. Исторический роман XVII века / П. И. Голота – М, 1834; Три части: I – 180 с, II-179 с, III-209с.
6. Разову Д. Проблематизация концептов Дома и Пути в европейской мысли XX века / Л. Разова // Режим доступа : <http://anthropology.ru/gu/texts/razova/wayhome.html>
7. Новикова М. А. Маргиналы: крушители и хранители / М. А. Новикова // Мифи та місія. – К.: Дух і літера, 2005. – С. 133-142.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин – М. : Советский писатель, 1963. – 363 с.
9. Элиаде.Кйф о Вечном Возвращении / М. лиаде // Режим доступа : http://fidel-kastro.ru/religia/eHade/Eliade_Mif.htm

Аннотация

Т.М. Марченко. Эпоха Богдана Хмельницкого как объект художественного изображения в русских исторических романах романтизма. В статье идёт речь о своеобразии сюжетной структуры русских исторических романов о Богдане Хмельницком. Все они коррелируют с сюжетом мифа о спасении и содержат единый комплекс мотивов: «страдание» – «испытание» – «преображение» – «спасение». Это свидетельствует об активной авторской мифологизации писателей-романтиков и о единстве идейной трактовки образа эпохи в эстетическом сознании того времени.

Ключевые слова: романтизм, исторический роман, миф, мотив, сюжетная структура.

Анотація

Т.М. Марченко. Епоха Богдана Хмельницького як об'єкт художнього зображення в російських історичних романах романтизму. У статті мова йде про своєрідність сюжетної структури російських історичних романів про Богдана Хмельницького. Всі вони корелюють з сюжетом міфу про спасіння і містять єдиний комплекс мотивів: «страждання» - «випробування» - «преображення» - «спасіння». Це свідчить про активну авторську міфотворчість письменників-романтиків і про єдність ідейного трактування художнього образу епохи в естетичній свідомості того часу.

Ключові слова: романтизм, історичний роман, міф, мотив, сюжетна структура.

Summary

T.M. Marchenko. The Bogdan Khmelniński's epoch as the object of artistic representation in the Russian historical novels of romanticism. The article deals with the specific of subject structure of Russian historical novels about Bogdan Khmelniński. All of them correlate with the subject of the myth about rescue and maintain general complex of motives: "suffering" – "trial" – "transformation" – "rescue". This fact is evidence of active author's mythologization of the writers-romantics and of general of ideological treatment of artistic image in the aesthetic conscious of the time.

Key words: romanticism, historical novel, myth, motive, subject structure.